

ЛЕБЕДЕВ В. Н. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ЛЕБЕДЕВ Виктор Николаевич, родился в 1890-х. Получил высшее образование, с 1918 — проживал в Москве, работал в учреждении, с 1932 — пенсионер.

В мае 1933 — обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

«Москва. Мая 27 - 1933 г<ода>».

Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Очень прошу Вас прочитать настоящее мое письмо, которое познакомит Вас с моей крайней печальной действительностью. Как и следовало ожидать, осень, зима и весна доконали меня совсем. Я сейчас калека в настоящем смысле этого слова. Задыхаюсь, не могу ходить, страдаю, боль в груди, кровохаркание, — словом, я почти все время провожу или сидя, а главное, лежа. Мне необходимо по требованию докторов уехать <нрзб.>, пользуясь особым уходом, лечением и усиленным питанием. Несмотря на все Торгсины, я не могу ничего этого сделать, а между тем скажу Вам прямо "без ригорических затей", что следующая осень и зима добьет меня совсем. Умоляю Вас, как человека, понимающего положение мое, уговорить товарищей отпустить меня. На что я нужен им — калека и полуживой человек. Неужели они думают, что я им могу быть опасен в политическом отношении за границей, где я, вероятно, таким проживу не долго, но все же больше, если я останусь здесь. Только ради этого небольшого времени жизни, только для того, чтобы на остатке дней немного отдохнуть, облегчить свои страдания и, наконец, просто пожить в покое и умереть, я и прошу отпустить меня. Если думают, что я здесь имею какие-то драгоценности Веры Ивановны, то неужели моя настоящая жизнь, благодаря которой я погубил безвозвратно (сердце уже не исправишь) не доказывает все безумство и нелепость легенды об этих драгоценностях. Неужели я стал бы их хранить и не сдал бы, если бы они у меня были и предпочел бы ценой своего здоровья и жизни сохранить их; и даже не для себя, а для кого-то других.

У меня нет денег, я все почти продал и проел. Совершенно беспомощен, одинок и полужив. На что я товарищам. Я даже могу сказать, что им выгодно отпустить меня: во-первых, — правительство получит внесенным через Интурист 7800 франков и 200 дол<ларов> валюты. Если меня не пустят или я околею, то конечно эти деньги будут возвращены обратно во Францию Конюс. Во-вторых, мне прекращается пенсия в 100 р<ублей>. В-третьих, освобождается жилая площадь в 16 кв<адратных> м<етров>. В-четвертых, вообще правительство освобождается от субъекта, ни к чему неспособному, никому ненужному, получающего, хотя и крайне скудный, паек и, наконец, постоянно лечащегося даром на счет государства.

Я хорошо понимаю, что о справедливости, человеколюбии, тем более о милосердии говорить не приходится. Но все-таки нельзя же меня наказывать так жестоко, приговаривая, без всякого сомнения, к преждевременной смерти, в то же время как абсолютно ни в чем не виноват, ни в чем не замешан и 14 лет самым честным и добросовестным образом работал в советских учреждениях.

Совершенно искренне, от всей души говорю Вам, как честный человек, если меня отпустят за границу, в моем лице не только никогда не будет враг советской власти, а наоборот, — голос человека, бесконечно благодарного, оценивающего всю полноту внимания помощи и гуманного отношения ко мне этой власти в трудные последние дни моей жизни.

Прошу Вас простить меня. Болезни, страдания, горе заставили меня написать Вам это письмо. Благодарный и уважающий Вас. Лебедев»¹.

На письме — помета секретаря Помполита: «Отказано»».

Летом 1933, осенью 1934 и осенью 1935 — к Екатерине Павловне Пешковой обращались за помощью сам Виктор Николаевич Лебедев и его соратники², но, очевидно, ничего не помогло. Возможно, в последнем письме была информация о смерти Виктора Николаевича Лебедева, о чем говорит вторая помета на письме, дважды подчеркнутая: «Умер».

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 889. С. 87. Автограф.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1: Д. 932. С. 171-172; Д. 1175. С. 30-32; Д. 1446. С. 103.